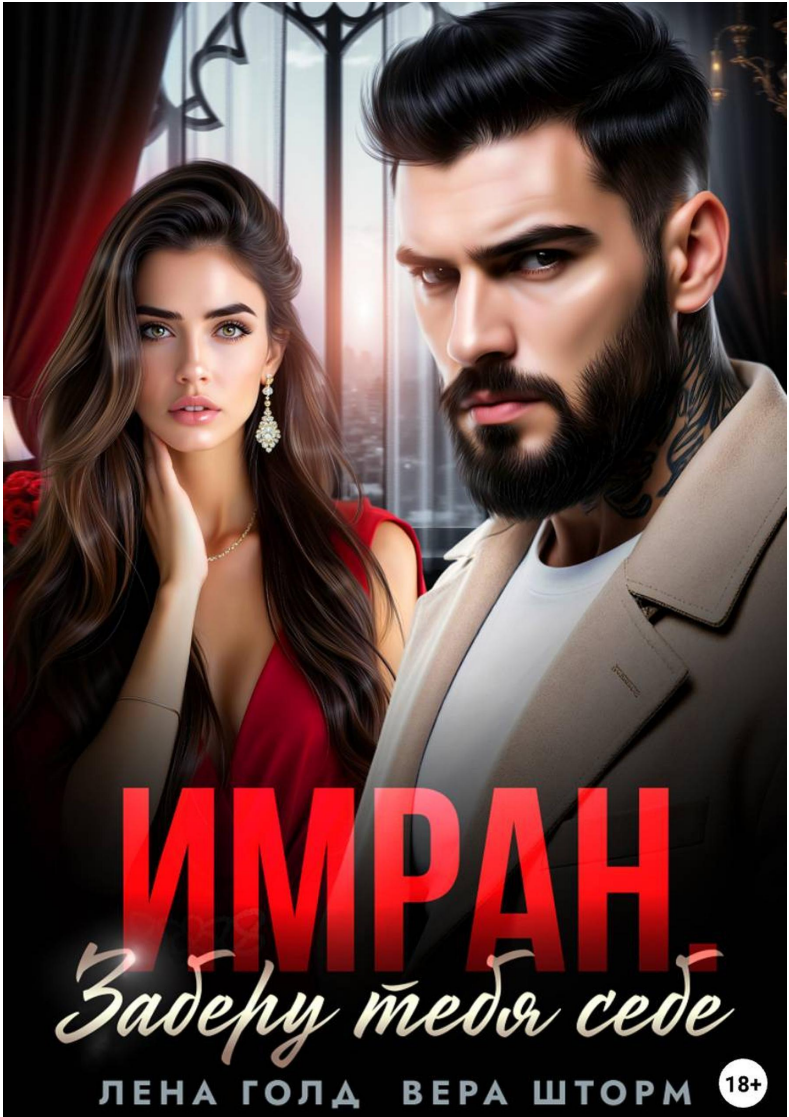

ИМРАН.
Заберу тебя себе
ЛЕНА ГОЛД ВЕРА ШТОРМ
18+

Вера Шторм
Лена Голд

Имран. Заберу тебя себе

https://litres.ru/74744364
SelfPub; 2026

Аннотация

— Какого лешего ты женился на дочери Абрамова, брат?

— Какого черта ты затащил ее в свою кровать, Имран?

— Да откуда я мог знать, что она теперь твоя жена?!

— Не жена. Это она так считает. Насолить Абрамову решил. Старик палки во все колеса ставит.

— Идиот. А дочь тут причём?

— Пусть теперь головой думает и под ногами не мешается.

— Алина перепутала нас!

— Естественно. Мы же близнецы. Я свое дело выполнил, Имран. Пользуйся, а потом выброси. Никто тебя не тронет. Слово даю.

*****

Два брата. Две одинаковые улыбки.

Один женился на дочери врага, чтобы насолить старику.

Второй оказался с ней в постели по ошибке.

Когда месть становится игрой без правил, кто останется стоять, а кто сгорит первым?

Содержание

ГЛАВА 1 4
ГЛАВА 2 12
ГЛАВА 3 18
ГЛАВА 4 25
ГЛАВА 5 32
ГЛАВА 6 39
ГЛАВА 7 45
ГЛАВА 8 51
ГЛАВА 9 58
ГЛАВА 10 64
ГЛАВА 11 71
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Вера Шторм, Лена Голд
Имран. Заберу тебя себе

ГЛАВА 1

Белое платье давит на плечи. Оно слишком тяжелое для человека, который не собирается выходить замуж. Шелк шуршит, когда я двигаюсь. Бесит ужасно.

Я для всех — невеста. Скоро стану женой. На бумаге. А на деле я просто вещь, завернутая в белую ткань.

Сестра стоит рядом, греет ладони чашкой кофе, который давно остыл. Она не пьет, просто держит. Надеется, что этот жест придаст уверенности.

За окном гудит мотор. Я подхожу ближе, хотя чувствую, что не стоит.

Машина останавливается у входа. Черная, блестящая, без вкуса. Как все, что выбирает отец.

Дверца открывается. Из салона выходит невысокий плотный мужчина в дорогом костюме, который не может скрыть пузо. Вижу блеск лысеющего темени.

Боже… Может, это шутка отца? Вот сейчас появится камера, и кто-то скажет: «Сюрприз! Свадьбы не будет».

Но никто не появляется.

Это и есть мой жених.

Тот, кому меня сегодня «дарят».

Человек, который чуть ли не ровесник моего отца.

Который даже не знает, какого цвета мои глаза.

Я делаю шаг назад. Сердце не бьется — оно просто гудит в груди. Разрывается на части. Сестра пялится на меня с тем выражением, в котором страх и жалость слились во что-то вязкое.

— Не смотри на него, — шепчет она.

— Я не могу не смотреть, — отвечаю, хотя голос едва выходит из горла. — Это ведь теперь… мой муж, да?

Она отворачивается.

Я вижу, как она тянется к карману, где спрятала телефон. Сжимает его. Боится, но пытается скрыть.

— Дай его мне, — говорю я.

— Нет. Папа сказал… Убьет, если узнает.

— Папа сказал слишком много. — Я протягиваю руку. — Мне нужно позвонить, Алиса.

Она молчит. Долго.

Я знаю этот взгляд — так она смотрела на мать, когда та еще спорила с отцом.

Потом все сдались. Кроме меня. Но какой толк? Я все равно здесь, с ужасным макияжем и в белом свадебном платье.

— Алиса! Если мы не пойдем против него… Если будем соглашаться на все подряд… Он подумает, что так и должно быть. И в следующий раз продаст тебя!

Сестра вздрагивает. Ее губы начинают дрожать. Достав те-

лефон, она протягивает его мне.

— Быстро. Если он узнает… Убьет.

Я киваю и ухожу в угол, за вешалки с платьями. Там пахнет пудрой, лаком и чем-то сладким, от чего становится тошно.

Пальцы дрожат, когда я набираю номер Имрана, который особо не запоминала. Просто зеркальные цифры, поэтому забыть тоже невозможно.

Две недели переписок, три встречи, один поцелуй.

Мало, но достаточно, чтобы поверить, что он не такой, как остальные. Что он поможет.

Несколько гудков действуют на оголенные нервы. Я уже готова положить трубку, когда слышу его резкий голос.

— Да?

— Мне нужна твоя помощь, Имран!

— Что такое? Где ты?

— Салон «Люкс-Бридж», на Тверской. Меня… Меня заставляют выйти замуж! Помоги отсюда выбраться, Имран! Заперли тут!

Я жду, что он начнет спрашивать, как, почему, что случилось, но вместо этого слышу короткое:

— Я рядом. Сейчас буду.

Связь обрывается.

Я смотрю на черный экран и, кажется, впервые за весь день дышу полной грудью.

Не знаю, правильно ли поступаю, сбежав со своей сва-

дьбы. Может, совершаю ошибку… Но любая ошибка лучше, чем жизнь по приказу.

Алиса нервно теребит кружево на рукаве.

— Ты же не пойдешь в этом платье, — говорит наконец. — В нем даже идти невозможно, а бежать тем более. Прямо как в тех фильмах, где девушки сбегают, оставив позади собственную свадьбу.

Сестра издает тихий смешок. Это от нервов.

— Я и не собираюсь бежать, — отвечаю, хотя знаю, что даже не стану оглядываться. — Что ты предлагаешь?

— Тут рядом магазин. Я… Я сбегаю. Возьму что-нибудь простое, спортивное. Костюм, кеды. — Она оглядывается на дверь, понижает голос. — И… если что, я знаю, где задний выход. Там, где прачечная.

Она улыбается так, будто мы совершили преступление и сейчас пытаемся улизнуть.

— Спасибо. Только быстрее, пожалуйста. Он уже в пути.

— Пять минут. Не больше.

Алиса исчезает за перегородкой. Я слышу, как щелкает замок, и остаюсь одна.

Это чертово платье давит сильнее, потому что я дышу тяжело и порывисто. Мне страшно. Каждая минута растягивается, даже воздух, кажется, становится вязким.

Пять минут.

Может, семь.

Потом дверь снова открывается.

Алиса врывается внутрь, в руках — пакет. Щеки красные, дыхание сбитое.

— Вот. Надевай, — шепчет. — Быстро.

Я подхватываю одежду.

— Тебя никто не увидел?

— Нет. Только сотрудники смотрели как на недалекую. Они же так удивляются… Ведь ты выходишь замуж за богатого папика. Для них это кайф. Откуда им знать, что для тебя — ад?

Ответить не успеваю. Снаружи раздается глухой грохот. Словно кто-то что-то уронил. Мы обе замираем.

— Что это?

— Не знаю… — Алиса идет к окну, отдергивает штору. — Господи…

Я подхожу следом.

У входа идет настоящая драка. Вижу, как один из охранников падает, схватившись за лицо.

— Это он, — выдыхаю. — Имран уже здесь.

Алиса кивает, ее руки дрожат, как и все мое тело.

— Тогда быстрее.

Она помогает расстегнуть платье. Тяжелая ткань падает к ногам. Я натягиваю худи, кроссовки. Собираю волосы, прячу их под капюшон. Сердце стучит в висках. Трясусь как осиновый лист.

— Подожди. — Алиса хватает меня за локоть. — Позвони ему. Скажи, что ты выходишь через заднюю дверь. Пусть

подъедет туда.

— Верно.

Дрожащими пальцами захожу в список звонков, нахожу его номер. Гудки едва слышны за гулом крови.

— Имран! — шепчу. — Я у задней двери.

В трубке — шум, крики. Он, кажется, посреди драки.

— Хорошо, — бросает коротко. — Моя машина там же. Прыгай. Номер семьсот семьдесят семь. Дверь открыта.

— Поняла.

Связь обрывается. Стою секунду, слушая собственное дыхание.

Алиса сжимает мои плечи.

— Иди.

— Спасибо, — говорю и целую ее в щеку. — За все.

Она улыбается, чуть плачет.

— Беги. Все будет хорошо. Надеюсь.

Открываю дверь. Холодный воздух моментально ударяет в лицо. Едва делаю шаг наружу, сразу вижу внедорожник Имрана. Бегу, открываю дверь и сажусь. За рулем никого. Наверное, сейчас придет.

Сижу несколько минут, оглядываясь вокруг. Пульт лежит на переднем сиденье. Это что вообще означает?

До меня долетают крики. А потом два автомобиля останавливаются напротив. Один из одних принадлежит моему отцу. Прячусь за сиденьем, пытаюсь найти щели, чтобы посмотреть, кто там. Из салона выходит охранник папы, а сле-

дом — он сам. Лицо перекошено от злости.

Щелчок. Подняв голову, вижу Имрана. Он, усмехнувшись людям моего отца, садится за руль. Врубает двигатель и сразу же поворачивается ко мне.

— Ну что, поехали?

Я киваю.

Мы проезжаем мимо моего отца, который смотрит прямо на меня. Но потом до меня доходит, что стекла тонированы.

— Куда мы едем?

— Ко мне. Куда еще. Не боишься, что твой папаша тебя прикончит?

— Ты… Его знаешь?

— Не-а. Впервые увидел.

Проехав несколько минут, я между сиденьями пролезаю на переднее пассажирское.

— Не знаю, что он сделает. Но мне сейчас плевать, если честно.

Имран снова усмехается, что мне совершенно не нравится.

— Скажи… Ты же девственница?

Приплыли…

— Думаешь, я ждала тебя целых двадцать четыре года?

— Думаю, твой папаша держал тебя на цепи, лишь бы ты никому не дала.

— Неправильно думаешь, Имран. И вообще, выбирай выражения, когда со мной разговариваешь.

Он молчит больше получаса. До тех пор, пока мы не оказываемся у здания ЗАГСа.

Имран поворачивается, смотрит мне в глаза с хитрой ухмылкой.

— Зачем мы здесь?

— Чтобы старик не смел тебя отнять.

ГЛАВА 2

— Вообще-то… мой папа не старик, — как бы я ни не одобряла поступок отца, но сейчас изнутри вырывается желание защитить его. Ведь он не такой уж плохой. Мы никогда ни в чем не нуждались благодаря ему.

— Ну, ладно… Пусть будет по-твоему.

— Как ты договорился так быстро? У меня нет документов с собой. Это что-то на грани фантастики!

— Все твои данные и так были тут. Тебя должны были привезти сюда. — Он смотрит на наручные часы. — Через сорок минут.

Я морщусь, как от тупой зубной боли, едва представляю ту картину. Я и тот лысый мужик подписываем документы.

Да, я не уверена в Имране. Мы знакомы с ним не так давно. Он прямолинейный и откровенный до жестокости. Но мне казалось, это лучше, чем вести себя как ангел, а на деле быть монстром. Ведь я сама такая же.

И сейчас мне все равно, за кого выйти замуж. Лишь бы не за того, кто гонится за выгодой и... девственностью. От вида того лысого меня буквально тошнит.

— Когда есть деньги и связи, Алина… — Имран смотрит мне в глаза, потом на губы. Его кадык дергается. — Все решается по щелчку пальцев.

Это неправильно. Так не должно быть. Но я с ним согласна.

на. Не зря же некоторые люди часто выходят сухими из воды.

Имран выходит из машины. Хлопок двери отзывается в груди, как выстрел. Он обходит авто и открывает дверь с моей стороны.

Я не двигаюсь.

— Это безумие…

— Алина, — произносит он без нажима. — Пойдем.

Голос вроде бы ровный. Он не заставляет, не приказывает. Но в то же время в нем есть что-то, что не позволяет спорить.

Я сжимаю ладонь, которую он мне протягивает. Выхожу из машины.

— Черт… Я что, зря переоделась? Не так я себе представляла свою свадьбу.

Имран издает хриплый смешок.

— Ну да. Выглядишь ужасно.

Каждый шаг по плитке отзывается в голове. Звук каблуков кажется слишком громким.

Он идет впереди. Я — чуть сзади. Наши пальцы переплетены. Имран не отпускает меня. Да, даже приятно. Я больше не чувствую страха. Напротив: есть уверенность в том, что меня больше никто не сможет забрать.

Если папа узнает… Он, скорее всего, будет ругать маму и сестру. Мать и так отказалась присутствовать на свадьбе, несмотря на шантаж папы. Интересно, как она отреагирует, если узнает, что я сбежала?

Внутри здания светло. Белые стены, высокий потолок,

регистрационная стойка, за которой улыбается женщина в форме — для нее это обычный день. А мы — обычная пара, которых тут за сутки бывает десятки.

А для меня это конец ужаса и начала чего-то нового…

Имран кладет на стойку паспорт. Смотрит на женщину в упор жестким взглядом. Выглядит крайне агрессивно, и я не знаю, почему.

Стою рядом, и мне кажется, что если скажу хоть слово, весь воздух в помещении взорвется.

— Запись на сегодня подтверждена, — говорит женщина, не глядя на меня.

Имран кивает.

— Все готово.

Он поворачивается ко мне. Взгляд становится гораздо мягче.

— Все просто. Распишемся и все. Никто не тронет тебя, — наклоняется и хрипло шепчет в ухо.

Никто.

Звучит как обещание и как приговор одновременно.

Мы расписываемся. Я действительно в шоке, потому что… Ну не так я представляла все это!

А где же любовь до гроба? Где же долго и счастливо? Да, мне нравится этот человек, но… Ничего! Ни капли романтизма! Это же… бред!

Женщина за стойкой улыбается, говорит что-то формальное — я не слышу. В голове такой гул. Сумасшедший день!

Мы выходим.

Имран открывает дверь автомобиля, я сажусь. В салоне холодно. Или это я от нервов начинаю дрожать.

Он захлопывает дверь, не садится. Стоит у капота, закатывает рукава рубашки, достает сигарету. Щелкает зажигалка — огонь вспыхивает, отражаясь в его глазах.

Выдыхает дым, прищуренным взглядом глядя на меня.

Имран достает из кармана телефон, смотрит на экран. Принимает звонок и коротко что-то говорит в трубку, хмурится.

Потом подходит и открывает дверь.

— Твоя сестра. — И протягивает телефон.

— Алиса? — Я сжимаю трубку обеими руками. — Господи, ты где?

— Я дома, — хрипло. Голос у нее тихий. Явно боится, что кто-то услышит. — Тут все… ужасно.

— Что случилось?

— Папа разгромил все вокруг. Стол, телевизор, вазы… Он кричит, что это все из-за меня. Что я знала, но промолчала. Мать ругает до сих пор. Мы рады за тебя! Очень! Мама обрадовалась, когда все узнала!

Сестра замолкает. Я слышу ее сдавленное, рваное дыхание.

— Алиса, — шепчу, — папа тебя ударил? А маму?

Молчание.

Я почти слышу, как она глотает слезы.

— Неважно, — отвечает наконец. — Ты об этом не думай. Слышишь? Главное, чтобы ты не вернулась. Чтобы у тебя все было хорошо. А тут… Все обязательно затихнет. И папа успокоится. Ему придется смириться.

Я закрываю глаза. Воздух сжимает грудь.

Имран сидит рядом. Молча смотрит вперед.

— Я нашла твои карточки, — говорит Алиса. — И телефон, и паспорт.

— Господи… Не надо! Не делай ничего! — Я хватаюсь за голову. — Я не хочу, чтобы он тебя опять тронул.

— Пока не поздно, — шепчет она. — Пока он все не отнял. У тебя же там все — работа, клиенты, проекты. Контакты. Карточки твои, не его. Он не имеет права их отнимать. И документы… Он хочет их сжечь! Ищет…

— Алиса…

— Назови адрес. Я вызову такси, все тебе отправлю.

Я смотрю на Имрана. Он делает глубокую затяжку, не вмешивается.

Не знаю, разрешает ли он.

Чер-р-рт…

И почему мне вдруг нужно его разрешение?

— Не сейчас, — выдавливаю из себя. — Успокойтесь там. Я не хочу, чтобы все стало еще хуже. Разберусь.

— Нет, — упрямится она. Голос все равно дрожит. — Ты не понимаешь. Он уничтожит все, что твое. Я не могу стоять в стороне и смотреть.

Слезы начинают душить.

— Хорошо. Я отправлю тебе адрес. Только будь осторожна.

— Буду, — почти неслышно. — Алина…

— Что?

— Просто будь осторожна, ладно? Будь счастлива!

Связь обрывается.

Имран гасит сигарету, бросает окурок из приоткрытого окна.

Двигатель вздрагивает, оживает.

— Все нормально?

— Сестра хочет отправить мои документы. Мне нужен адрес.

— А ты уверена, что это не подстава? Вдруг хотят знать, где ты?

— Что? Нет, конечно. Зачем сестре меня подставлять, если сама же помогла сбежать?

— Мало ли… — пожимает плечами, забирая телефон. — Окей. Я напишу адрес. Пусть приносят, я заберу.

Облегченно выдыхаю.

— Спасибо.

— Потом поедем ко мне. Но мне придется отправиться кое-куда. К моему возвращению… — Он разглядывает меня насмешливым взглядом. — Жди меня. Ты же моя законная супруга. И я хочу воспользоваться своим правом.

ГЛАВА 3

Стоим на парковке у торгового центра.

Большое здание с зеркальными стенами отражает небо, машины, людей и меня. Я вижу себя со стороны: девушка с усталым лицом, в чужой машине. Которая только что вышла замуж, но на пальце нет даже кольца.

Смешно.

Имран сидит рядом, держит руль одной рукой, второй что-то печатает в телефоне.

— Отправлю адрес твоей сестре, — говорит он, не глядя на меня. — Пусть везут.

Я киваю.

— Спасибо.

Он отпускает руль, тянется к пачке сигарет, потом останавливается и бросает взгляд на торговый центр.

— Хочешь, зайди туда. Купи себе что-нибудь. Одежду, косметику, не знаю… Для чего вы обычно пропадаете в таких местах…

— Не хочу, — говорю тихо.

— Почему?

— Потому что желания нет. И… Я не из тех, кто часами пропадает в магазинах. Ты меня плохо знаешь.

Имран смотрит несколько секунд, поджав губы. Хочет что-то сказать, но только пожимает плечами.

— Ладно. Я отлучусь немного.

Он выходит, захлопывает дверь. Я остаюсь одна.

Вокруг такой гул… А в моей голове — хаос. Я должна выйти на работу. Или хотя бы сообщить, что несколько дней меня не будет. Потому что, уверена, отец будет меня искать. Зная его, он сейчас горит желанием найти меня и наказать.

Не имею ни малейшего представления, как он отреагирует, когда узнает, что я вышла замуж за другого. Наверное, инфаркт хватит.

На стекле собирается пыль. Наблюдаю за прохожими с усмешкой. У каждого свои дела… Будь это нормальный день, я бы сидела у себя в кабинете и рисовала эскизы. Или спорила бы с коллегами. Теперь я просто прячусь. Не зная, как сложится моя дальнейшая жизнь.

Безумно устала. Мне бы сейчас закрыть глаза и немного отдохнуть. Но боюсь, что меня найдут, пока я сплю.

Через какое-то время Имран возвращается. Такое спокойное выражение лица. Словно это самый обыкновенный день в нашей жизни.

Он смотрит куда-то за мое плечо, стоя напротив авто, потом коротко отвечает в трубку:

— Да. Вижу. Сейчас подойду.

Я поворачиваюсь к окну.

На другой стороне парковки останавливается белое такси.

Имран идет к нему, расправляет плечи и принимает у водителя небольшую спортивную сумку. Что-то говорит, кива-

ет и возвращается.

Он кладет доставку на капот, расстегивает молнию. Несколько секунд роется внутри. Такой нахмуренный, сосредоточенный.

Потом поднимает взгляд на меня, чуть усмехается.

— Все чисто, — говорит, открывая дверь. — Без бомб.

Теперь я смотрю, что мне отправили.

Внутри — мой ноутбук. Телефон. Папка с документами. Мой последний проект. Украшения. И пачка денег.

Пахнет духами мамы.

Она положила абсолютно все, в чем я могу нуждаться. Даже наличные, ровно перевязанные резинкой.

Горло сжимает спазм.

Я представляю, как она все это собирала. Как плакала. Наверняка радовалась, что я буду счастлива.

Я закрываю сумку, аккуратно кладу на заднее сиденье.

Мы трогаемся с места.

— Мне нужно купить сим-карту. Остановись у нужного салона, пожалуйста, — прошу спустя несколько минут.

— Хочешь изменить номер? А как же работа?

— Я свяжусь с нужными людьми сама. Лучше так, чем если меня найдут люди отца.

— Уверена?

— Абсолютно.

— Ладно.

Мы едем уже почти час. Я успеваю написать маме и сест-

ре с нового номера. И коллеге говорю, что пару дней меня не будет. Я никогда не прогуливала работу, поэтому лишних вопросов не задают. Если меня нет, значит, есть веские причины.

Отключаю мобильный.

Машина плавно замедляется, останавливается напротив высокого шлагбаума. К авто подходит охранник, коротко кивает Имрану — без слов.

Шлагбаум поднимается, и мы заезжаем внутрь.

Я буквально попадаю в другой мир.

Высокие корпуса с панорамными окнами, ровные аллеи, фонтаны, идеально подстриженные кусты.

На тротуарах — ни пыли, ни мусора. Даже воздух пахнет иначе.

По двору тихо движутся электрокары, у подъезда — консьерж в безупречной форме. Я впервые понимаю, что значит «элитный жилой комплекс». Мы всегда жили в частном доме, чуть дальше от центра города.

Имран паркует машину прямо перед входом. Выходит, открывает с моей стороны.

— Приехали, — говорит коротко.

Я выхожу, запрокидываю голову.

Здание огромное — стекло и бетон, устремленные вверх, как что-то живое. Ни одной выбоины, ни одного лишнего звука. Все идеально. Даже слишком.

Входим в холл.

Пахнет деревом и свежими цветами. На стенах мягкие панели, на полу — белый мрамор.

Администратор у стойки здоровается по имени.

Имран кивает, не замедляя шага. Его ладонь уверенно лежит на моей спине.

Лифт — зеркальный. В нем играет едва слышная музыка.

Кнопка пятнадцатого этажа светится мягким золотом.

Вижу в отражении себя: волосы растрепаны, глаза усталые, а под ними образовались темные круги, которые видны даже сквозь тональный крем.

Однако я неуверенно улыбаюсь. Потому что не знаю, что чувствовать: благодарность Имрану за помощь или настороженность.

Створки расходятся. Мы выходим в просторный холл с мягким ковром.

Имран открывает массивную дверь из темного дерева.

Захожу внутрь, дальше.

Квартира огромная. Высокие потолки, панорамные окна в пол, за которыми — город в огнях. Интерьер сдержанный, но дорогой: серые стены, дерево, мрамор, мягкий свет.

Большая гостиная переходит в кухню: барная стойка, кофемашина, книги на полке, несколько картин без рам.

На полу — ковер, по которому хочется ходить босиком.

Все настолько аккуратно, что мне кажется, будто я вошла не в дом, а разглядываю дизайн в журнале.

Имран смотрит на наручные часы.

— В холодильнике есть еда, в спальне — ванная.

Он поворачивается ко мне, и в его голосе нет ни тени мягкости — просто факт.

— Ты…

— Мне нужно уехать по делам, — перебивает. — Буду через несколько часов.

Разворачивается и без слов уходит.

Все как-то странно. Да, он звонил, проявлял знаки внимания. Буквально несколько часов назад говорил о моей девственности. А сейчас… Просто взял и ушел.

Может, не хочет воспользоваться ситуацией? Может, ждет, когда я буду готова?

Наверное. Если это так — я благодарна ему вдвойне.

Аппетита нет. Поэтому, выпив стакан воды, иду в спальню. Достаю из шкафа одну из рубашек Имрана и отправляюсь в ванную. Всего одна зубная щетка. Все мужское — гель для душа, шампунь, даже разные кремы. Никакого признака того, что здесь бывает женщина.

Он говорил, что живет один. Не врал.

Приняв душ, сушу волосы и возвращаюсь в гостиную. Включаю телевизор. Услышав щелчок, встаю. Кто-то открыл дверь.

Имран? Так быстро?

Встав, тяну подол рубашки вниз.

Да, это он, но… переоделся? И волосы сейчас аккуратные, но взгляд… Слишком усталый.

— Ты еще кто такая? — громом гремит его вопрос.

ГЛАВА 4

Имран

Стройплощадка гудит ровным, деловым гулом. Воздух — плотная смесь цементной пыли, раскаленного металла и едва уловимого аромата духов от моей рубашки. Контрасты, ставшие нормой.

— Где отчет? — интересуюсь, не отрывая глаз от графика.

— Через десять минут, Имран Каримович. — Голос начальника участка выдает нервозность.

— Через пять. Мне нужны цифры, а не обещания.

Он, не возражая, кивает и удаляется. Взгляд скользит по бетонной панораме за окном. Пятнадцатый корпус. Фасад почти завершен, его гладь безупречна — ровная, без изъяна. Именно такой подход я ценю: выверенный порядок, минимализм в общении, никакой суеты.

Стройка — это отлаженный механизм. Ослабь контроль над одним винтиком — и вся система даст сбой.

В ухе раздается треск гарнитуры.

— Имран Каримович, поставщики из Твери. С плиткой снова перенос.

— На какой срок?

— На неделю.

— Дайте им двадцать четыре часа. После — расторгаем контракт и вносим в черный список. Они должны понимать

цену наших договоренностей.

Делаю глубокий вдох. Чувствую усталость, но она того стоит — результат всегда меня устраивает.

Захожу в небольшой вагон.

Ассистент кладет на стол папку с документами.

— Пресса запросила интервью. Журнал «Бизнес-город». Готовят материал о новом жилом комплексе.

— Без персональных упоминаний. Пусть пишут о компании, о проекте. Я не медийная персона, чтобы выставлять свою жизнь и планы напоказ.

Но если бы это предложение сделали моему брату, уверен, он согласился бы сразу. Любит хвалить себя и показывать, какой он крутой. Неважно, его заслуга это или нет. Порой даже моим именем пользуется. Что вызывает раздражение и бесит ужасно. Раньше психовал, сейчас стараюсь обходить стороной. Он никогда не изменится. Легче смириться.

Возвращаюсь к изучению чертежей. На бумаге — будущее: башни, стекло, парк с фонтаном. Люди покупают не просто квадратные метры. Они покупают образ, иллюзию жизни, к которой стремятся. Моя задача — чтобы эта иллюзия была безупречной, и чтобы за красивой картинкой стояла абсолютная надежность. Мои проекты не боятся проверки временем.

Телефон коротко вибрирует. Сообщение от бухгалтерии: «Второй счет по подрядчикам закрыт. Подпись Камрана».

Хмурюсь. Кто-то явно торопится. Вечером придется разо-

браться — мой брат до сих пор не усвоил, где проходят границы его компетенций.

— Имран Каримович! — снова отвлекают. — Прибыла проверка из администрации!

— Пусть подождут. Сейчас не время.

Выхожу из вагона. Жара, грохот техники, сотни людей — все это часть моего мира. Мое творение. Машины разгружают панели, по периметру замерла охрана.

Поднимаю взгляд на башенные краны, упирающиеся в небо. Это и есть моя жизнь. Занимаюсь этим делом долгие годы. И, несмотря на бешеный ритм и дикую усталость — не планирую отступать. Моя цель еще не достигнута.

Телефон в кармане вибрирует. Незнакомый номер.

Беру трубку.

— Слушаю.

В ответ — тишина. Лишь короткий женский вздох, обрывающийся на полуслове.

— Алло? Я слушаю.

Короткие гудки.

Странно. Может, кто-то ошибся номером.

Снова окидываю взглядом стройплощадку. Внутри привычное, железное спокойствие. Все под контролем.

Так было, и так будет.

В офисе тихо. Потому что все знают, как я не люблю, когда сотрудники суетятся.

На столе ровно три папки — ничего лишнего. Одна по

подрядчикам, вторая — отчет о поставках, третья — новая проектная смета.

До самого вечера торчу тут. Пора бы свалить домой, отдохнуть. Глаза начинают слезиться от нагрузки.

Ассистент стучит в дверь, заходит после короткого «да».

— Имран Каримович, нужно подписать документы по аренде участка.

— Давай сюда.

Беру ручку, пролистываю. Не спешу подписывать.

— Пункт тринадцатый. Убери. Не устраивает.

— Но это условие инвестора.

— Значит, ищи другого инвестора.

Он кивает и уходит. Знает ведь — спорить со мной бесполезно.

Мозг работает как часы.

На экране мигает сообщение от юридического отдела: «Согласование по Хамовническому проекту завершено».

Наконец-то. Этот проект держался на волоске месяц, но я знал, что никто не рискнет идти против меня.

К семи вечера офис пустеет.

А я торчу тут до девяти. Пока доберусь домой — будет одиннадцать.

Лифт спускает меня на подземный уровень. Гулкий звук шагов, запах бензина и холодного бетона.

Едва завожу двигатель, телефон на подставке мигает.

Отец.

— Добрый вечер.

— Здравствуй, сын. Как ты?

— Нормально, отец. Вы как?

Он никогда не звонит просто так.

— До меня дошли слухи, что у тебя появилась девушка. Когда знакомить нас собираешься, сын?

Что за бред? Откуда такая информация?

— Ты о чем?

— Не отрицай! Я сначала подумал, что это Камран… Но он сказал, что не стал бы скрывать. Поэтому…

Охренеть.

Брат живет с ними. Каждому его слову верят, хотя он далек от честности. Порой такое выдаст, что сам охреневаю. И сейчас подставил меня. Надо бы его разок наказать, чтобы пришел в себя. Так не пойдет. Я устал.

— Отец, ничего подобного нет. Если я решусь на серьезные отношения — обязательно вам расскажу. И да, познакомлю со своей спутницей.

— Ты мне не ври, ладно? Годы идут! Я внуков хочу! Ясно тебе?

— Проси у Камрана. Чего в меня вцепились? Хорош прессовать!

— В воскресенье жду вас у себя! Понял?

Отключается.

Приплыли, мать вашу!

По пути домой звоню Камрану. Он не берет трубку, чем

выбешивает окончательно. Клянусь, я это дело просто так не оставлю. Где я найду женщину до воскресенья?

Уверен, завтра будет названивать мать. И устраивать мне допрос.

Только этого мне не хватало для полного счастья!

Поднимаюсь к себе. Устал как собака. Приму душ и лягу спать. Желания думать о новых проблемах, что создал собственный брат, нет. Черт знает, где он сейчас и с какой бабой шляется, раз времени ответить на мой звонок не находит. Или же специально игнорирует, зная, что я ему скажу.

Открыв дверь, захожу и вижу чужую обувь. Что за хрен?

Глаза лезут на лоб, когда передо мной оказывается незнакомая девчонка в моей же рубашке. Стройная, красивая, безумно приятная. Не похожа на одноразовых баб.

— Ты еще кто такая? — вырывается из горла.

Она распахивает глаза, а потом нервно усмехается.

Что, сука, происходит?

— Ты издеваешься, Имран?

Черт. Чер-р-рт.

А имя откуда знает? В моей жизни никогда не было много женщин. Эту я не припоминаю. В свой дом точно никого не приводил.

Или… Стоп!

Камран, мать вашу! Знает ведь, что провинился, и таким образом пытается смягчить меня?

Ну, ладно. Разрядка мне не помешает.

У тебя получилось, брат.

ГЛАВА 5

Алина

Его вопрос висит в воздухе. Острый, как лезвие.

«Ты еще кто такая?»

Сердце падает куда-то в район каблуков, которые я сняла несколько часов назад. Это шутка? Очень плохая.

Лицо Имрана — напряженное, усталое, с темными тенями под глазами. Оно не выражает ничего, кроме искреннего непонимания и раздражения. Имран смотрит на меня, как на непрошеную гостью, ворвавшуюся в его священное пространство.

Горло сжимается от обиды и внезапного страха. Неужели Имран уже жалеет о своем порыве? Решил отыграть все назад, притворившись, что не знает меня?

Нервный смешок вырывается сам собой.

Что за глупые мысли, Алина?

— Ты издеваешься, Имран?

Он делает шаг вперед. Горячая и агрессивная энергия раздражает меня. От него пахнет дорогим парфюмом. Не тем, что я чувствовала днем. Сейчас он другой.

— Я задал вопрос. — Голос Имрана низкий и ровный, без единой знакомой нотки. — Что ты делаешь в моем доме?

Я вцепляюсь в подол его рубашки, чувствуя, как краснею.

— Ты решил вывести меня на эмоции? — Голос преда-

тельски дрожит. — Забыл, что случилось в ЗАГСе? Мы сегодня расписались!

Имран замирает. Его взгляд становится пристальным, изучающим. Он всматривается в мое лицо, пытаясь лучше разглядеть в полумраке черты той, с кем разговаривает. В глазах Имрана мелькает что-то незнакомое мне. Но тут же гаснет, сменяясь странным, хищным интересом.

— Черт… — наконец выдыхает он, проводя рукой по лицу. — День был слишком долгим. Голова идет кругом.

Имран ведет себя странно. Но прежде чем я успеваю что-то сказать, он меняет тактику. Его поза преображается, напряжение уступает место расслабленной, ленивой уверенности. Он проходит в гостиную, скидывает пиджак и развязывает галстук.

— Извини. — Его голос приобретает новые, бархатные нотки. — Не злись.

Я не двигаюсь, прислонившись к стене. Что-то не так. Он другой. Более прямой, более грубый, менее... сдержанный. Но, может, так Имран ведет себя дома, без свидетелей?

— Я уже не знаю, куда мне деться, — говорю тихо. — Ты сказал ждать. Я жду. Что с тобой не так? Может, временная амнезия? Забыл, как прошел сегодняшний день? Строишь из себя… непонятно кого!

Имран оборачивается. Его взгляд скользит по мне с головы до ног, задерживаясь на голых бедрах. Под этим взглядом я снова чувствую себя обнаженной.

— Правильно делаешь, что ждешь, — ухмыляется Имран. — Даже переоделась. Удобно?

В его ухмылке отчетливо вижу что-то дикое, вызывающее.

— Я приняла душ! Сменной одежды нет! Могу снять, если не нравится, что я надела твою рубашку!

Он медленно идет ко мне. Шаги бесшумные, как у большого хищника. Я инстинктивно хочу отстраниться, но за спиной стена. Места для отступления нет.

Имран останавливается так близко, что я чувствую исходящее от него тепло.

— Не бойся, — шепчет он. — Я же не кусаюсь. Если только... ты не захочешь этого сама.

Его рука поднимается. Тыльной стороной ладони он медленно, почти невесомо проводит по моей щеке. Прикосновение обманчиво нежное. За ним стоит такая уверенная сила, что по коже бегут мурашки. Внутри все сжимается в тугой, трепещущий комок. Страх смешивается с чем-то другим. С запретным, острым любопытством.

Понимаю, чего он хочет. Понимаю и… волнуюсь.

— Я не думала, что все будет так... быстро.

Пытаюсь протестовать, но получается слабо и неубедительно.

Губы Имрана оказываются у самого моего уха.

— А я думал, — обжигает дыханием, — весь день. Тем более с момента, как увидел тебя в этой рубашке. Ты так прекрасна в своем отчаянии! Будто фарфоровая кукла, которая

вот-вот может разбиться. Я ненавижу хрупкие вещи. Сразу захотелось проверить, насколько ты прочная на самом деле.

Его слова жестокие, откровенные. И в этой откровенности своя правда. Имран не притворяется благородным спасителем. Он тот, кто есть: мужчина, который увидел то, что захотел, и взял это.

Губы Имрана находят мои. Это не тот поцелуй, что я помню из наших редких встреч. Властный, но сдержанный. Нет, это — захват. Требование. В нем нет ни капли сомнения. Только голод и уверенность в своем праве.

Я отталкиваю Имрана, прикладывая всю силу.

— Стой! Так не пойдет!

Он отступает на шаг, но не выглядит рассерженным. Напротив, в глазах вспыхивает азарт.

— А как надо? — склоняет голову набок. — Объясняй. Я хороший ученик.

— Ты должен... уважать меня.

Боже, что я несу?

— Я уважаю, — парирует Имран. — Я не буду играть в нежности, если ты этого не хочешь. Но тело... твое тело хочет меня. Я это вижу. Слышу. Чувствую.

Он снова приближается, но на этот раз не торопится. Пальцы Имрана скользят по моей шее к застежке рубашки. Один щелчок. Второй. Ткань расходится, обнажая кожу.

— Видишь? — шепчет он хрипло. — Ты дрожишь. Но не от страха.

Губы Имрана прикасаются к обнаженному плечу, отчего по телу проносится электрическая волна. Я издаю тихий стон, которого сама от себя не ожидала. Мои руки, что должны оттолкнуть Имрана, вместо этого впиваются в его волосы.

Это предательство собственных принципов. Но на данный момент принципы кажутся такими далекими и ненужными! Он здесь. Реальный, горячий, пахнущий опасностью и грехом. А я слишком устала быть хорошей, правильной и послушной.

Хочу просто обнимать его. Хочу, чтобы всегда был рядом. Слушал, поддерживал, придавал уверенности.

— Имран... — шепчу я, уже не в силах сопротивляться.

Он отрывается от моей кожи и поднимает голову. Взгляд потемневших глаз безумно притягателен.

— Скажи мне остановиться, и я остановлюсь.

Последняя лазейка. Последний шанс одуматься. Но я молчу, глядя ему в глаза. Это и есть ответ.

Имран подхватывает меня на руки и несет в спальню. Его губы не отпускают мои. Руки исследуют мое тело с такой уверенностью, будто знают его всю жизнь. И я отвечаю Имрану с той же яростью, с какой он берет меня. Вцепляюсь ногтями в его спину, кусаю его губы, позволяя вырваться наружу всей злости, страху и отчаянию этого дня.

Я неопытная. Я почти ничего не знаю. Никогда не была так близка ни с одним мужчиной. И сейчас просто повторяю все, что он творит со мной.

Дрожащими руками стягиваю с него рубашку. Имран расстегивает пряжку ремня. Вся его одежда летит на пол.

Раздвинув мои ноги, располагается между бедрами. Входит слишком резко. Боль короткая и яркая, как вспышка. Я вскрикиваю. Имран замирает. Его тело напрягается всего на пару секунд. Потом Имран ускоряет темп.

По моему лицу текут слезы. Он их не видит.

Постепенно губы Имрана становятся нежнее, а движения — более плавными, выверенными. Словно чувствует мою боль и пытается загладить вину. Кажется, получается. Вскоре боль уступает место чему-то новому, нарастающему, невероятному. Волны удовольствия накатывают, смывая остатки страха и сомнений. Я кричу, впиваясь зубами в мужское плечо. И мир взрывается в ослепительном каскаде огней.

Имран падает на меня, тяжелый и мокрый. Рычание звучит как финальный аккорд.

Тишина. Только наше частое дыхание. Имран лежит на мне, придавливая своим весом. Приятная, безопасная тяжесть. Он перекатывается на бок, увлекая меня за собой. Я прижимаюсь щекой к твердой груди, слушая, как бешеный стук его сердца постепенно утихает.

Его рука лежит на моей спине. Такая большая и теплая. Никто из нас не говорит. Слова кажутся лишними, ненужными. Имран натягивает на нас одеяло. В тепле, под мерный стук его сердца, я чувствую, как веки становятся тяжелыми.

— Чтобы завтра я тебя здесь не видел. Сегодня было ис-

ключением. Поняла меня, Аля?

Вздрогнув от его слов, поднимаю голову. Глаза Имрана закрыты.

— Я не Аля, — цежу сквозь зубы. Пытаюсь отстраниться, но он не позволяет. — Я Алина, ясно? Отпусти!

— Спи, Алина…

ГЛАВА 6

Слова жгут кожу, как раскаленное железо.

«Чтобы завтра я тебя здесь не видел… Поняла меня, Аля?»

Он перепутал мое имя.

Вся боль, весь стыд и унижение, которое я пытаюсь затолкать поглубже, вырываются наружу одним тихим, надрывным всхлипом. Я сжимаю челюсти до хруста, чтобы не разрыдаться. Чтобы Имран не услышал, как меня раздавил.

— Я не Аля, — цежу сквозь зубы. Голос звучит чужим, пропитанным ядом. — Я Алина, ясно? Отпусти!

Но рука, тяжелая и властная, даже не шелохнулась на моей спине.

Имран уже не слышит меня. Его дыхание выравнивается, становится глубоким и ровным. Он спит. Спит с безмятежностью человека, который просто воспользовался тем, что само упало в руки. И теперь может выбросить это без сожалений.

Я лежу неподвижно, прижатая к его телу. Каждый мускул во мне напряжен до предела. Жду. Считаю его вдохи. Пять. Десять. Пятьдесят. Проходит вечность, прежде чем я решаюсь пошевелиться.

Осторожно, сантиметр за сантиметром, я выползаю из-под тяжелой руки. Она безжизненно падает на простыню.

Я замираю. Сердце громко, предательски колотится где-то в горле. Боюсь, что Имран откроет глаза и увидит мои слезы. Однако он не просыпается.

Поднимаюсь с кровати. Ноги ватные, подкашиваются. В полумраке комнаты силуэт Имрана кажется чужим и опасным.

В принципе, он и есть чужой и опасный.

Я больше не смотрю на него. Не могу. Каждая клеточка тела кричит о том, что надо бежать.

К сожалению, я, как оказалось, не умею различать людей. Имран был лицемером все это время. Общался со мной лишь для того, чтобы… что? Воспользоваться? Разве мало девушек, что готовы дать ему сразу? Вроде бы умный. Властный, обеспеченный. Почему именно я?

Только теперь, за последний час, я чувствую себя в безопасности. В ванной, включив свет и щелкнув замком. И только тут, под ледяными струями душа, позволяю себе заплакать. Тихими, бесшумными рыданиями, которые выворачивают душу наизнанку. Вода смывает запах Имрана, его прикосновения. Но не может смыть это жгучее чувство унижения. Он не просто воспользовался мной. Он удостоил меня вниманием, как бездомную кошку, которую впустили погреться, а утром вышвырнули обратно на мороз. Еще и имя перепутал.

Аля... В его устах оно звучало как оскорбление.

Я натягиваю на себя спортивный костюм, который Али-

са принесла мне для побега. Ткань грубая и утилитарная, но сейчас это — единственное, что во что я могу одеться. Больше у меня ничего нет. С собой только сумка, которую так бережно собрала мама.

На цыпочках выхожу из ванной. В спальне все так же тихо. Я крадусь по квартире, как по минному полю. Каждый звук отзывается в висках громом. Вот барная стойка, где Имран бросил ключи. Вот диван, на котором я сидела, наивно ожидая… чего? Спасения? Будущего?

Я ждала рыцаря, а получила кошмар.

Дверь поддается бесшумно. Я выхожу в холодный, безлюдный холл. И только сейчас позволяю себе выдохнуть.

Лифт, улица, ночной город, залитый неоновым светом. Я иду не разбирая дороги, просто чтобы увеличить расстояние между мной и местом, где остался Имран. Морозный воздух обжигает легкие, но это лучше, чем душная, пропитанная им атмосфера его квартиры.

Я достаю телефон. Пальцы дрожат, когда листаю контакты. Один-единственный человек, которому я могу позвонить в три часа ночи.

Лера берет трубку почти сразу. Голос сонный, настороженный.

— Алло? Кто это?

— Лер… это я...

Мой голос срывается. Звучит хрипло и растерянно.

— Алина?! Господи, что случилось? Ты плачешь? Где

ты?!

— Я… я в городе. Можно к тебе? Только, пожалуйста, никому ни слова. Ни маме, ни Алисе, никому.

— Конечно, можно! — В голосе Леры мгновенно проступает тревога. — Подъезжай! Адрес ведь знаешь? Но чей это номер? Твой не отвечает.

— Это… новый. Потом все объясню. Я на такси. Скоро буду.

— Хорошо. Я жду. Держись, слышишь?

Лера больше ничего не спрашивает. В этом ее главное качество: подруга всегда на моей стороне. Без лишних вопросов.

Я вешаю трубку. Ловлю машину и, уткнувшись лбом в холодное стекло, закрываю глаза.

Имран спас меня из одной ловушки, чтобы загнать в другую, куда более унизительную. Моя девственность… Я почему-то считала ее чем-то важным. Таким, что сохраню для того, кто будет меня ценить. А оказалось — всего лишь плата за услугу. Вознаграждение за спасение.

Самый горький осадок — не боль и не страх. Это стыд. Стыд оттого, что поддалась. Ответила на его поцелуй. И в какой-то миг мне это… понравилось. Тело предало меня, отозвавшись на грубые ласки Имрана, в то время как он думал о какой-то Але.

Машина останавливается у знакомого дома.

Лера ждет меня в дверях подъезда, накинув поверх пижа-

мы куртку. Увидев мое лицо, она распахивает руки, приглашая в объятия. Понимает, что случилось нечто ужасное. Обняв подругу в ответ, наконец-то даю волю чувствам. Рыдаю. По-настоящему, взахлеб, пока не остается сил даже на слезы.

Он не Имран. Он — незнакомец, который на одну ночь притворился моим спасителем. И этой ночи достаточно, чтобы понять — моя свобода только начинается. Только на этот раз я буду спасать себя сама.

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем я наконец успокаиваюсь. И рассказываю Лере обо всем, что за последние сутки произошло в моей жизни. Как резко все изменилось. Я больше не чувствую себя умной девушкой. Я идиотка. Настоящая идиотка, что доверилась человеку, который… хотел использовать меня. И у него получилось.

— Твой отец… дебил! Извини, конечно, но в каком веке мы живем? Зачем выдавать замуж насильно?! Совсем крыша поехала?!

— Решил отдать меня своему ровеснику, чтобы не упустить выгодную сделку, — зло усмехаюсь я. — Это так больно… Чувствую себя ни на что неспособной куклой. Всем от меня что-то нужно…

Мы сидим на диване. Я успела натянуть домашнее платье Леры и немного прийти в себя после того, как наревелась.

— Не говори так, — выдыхает подруга, прижимаясь ко мне.

— Ну а что? Даже на работу выйти не смогу. Отец будет

искать меня. Я, честно говоря, очень надеялась на помощь Имрана. Он же вроде как не простой человек. Говорил, что владелец компании. Боже… Может, и это было ложью? Я уже не знаю, где правда, а где вранье. Как мне теперь жить, Лер? Свалить из этого города?

— Нет, конечно… — Подруга вытирает слезу с моей щеки. — Алин, ты же больше не девственница?

— Нет.

— Ну вот. Значит, твой отец больше так не поступит. Да и тот старик не захочет тебя в жены. Зачем? Ему целка нужна была…

— Успокоила.

— Нужно искать положительные стороны в этой ситуации. Тебе хотя бы было хорошо в постели с Имраном. А что, если на его месте оказался бы тот…

— Боже… — морщусь от отвращения. — Хватит, пожалуйста.

Мы обе вздрагиваем, когда раздается телефонный звонок. Переглядываемся, потому что звонят явно мне. А ведь новый номер почти никто не знает.

Лера передает мне мобильный. На экране номер Имрана.

— Идиот… — цежу сквозь зубы.

— Возьми трубку. Выскажись, Алина. Тебе сразу станет легче.

Я решаю прислушаться к совету подруги.

— Да! — рявкаю в трубку.

ГЛАВА 7

Имран

Солнце бьет в глаза, заставляя щуриться. Протягиваю руку, чтобы обнять теплое тело рядом, но хватаю пустоту. Открываю глаза. Вторая половина кровати пуста.

— Алина? — тихо зову я.

Тишина.

Встаю, натягиваю боксеры.

В квартире тихо. Алины нет ни в гостиной, ни на кухне. Даже ванная пустая. Черт. Неужели сбежала? Осматриваюсь и не вижу ее дурацкой спортивной сумки.

На полу у дивана лежит какая-то вещь. Сверкает. Кажется, заколка. Я поднимаю ее и верчу в пальцах. Усмехаюсь.

Вот сумасшедшая... Реально свалила, как от пожара. Ну да, назвал другим именем. Ведь она думала, что днем с ней был я! Чтобы узнать имя, не признаваясь, пришлось прибегнуть к хитрости. Это сработало. Глупо, но сработало. Хотел посмотреть, как она отреагирует. Думал, утром все выясним. Но Алина не дала мне шанса.

Хотя, возможно, ее задели мои слова. Но ведь она же не просто так здесь была. Явно ради денег. Наверняка знает, с кем связалась. Но почему ушла, не получив их? Может, Камран заплатил заранее?

Хрен его знает.

Иду в душ. Струи воды бьют по коже, смывая остатки сна. Мысли возвращаются к Алине. К ее упрямому взгляду. К тому, как она отталкивала меня, а потом сама впивалась в губы… Красивая. Слишком красивая и дерзкая для аферы Камрана. И не очень-то опытная. Брат знает, что я терпеть не могу шлюх. Вот и нашел то, что однозначно будет мне по вкусу. Попал в точку.

Натянув брюки, выхожу. В голове полная каша. Вчера так устал, что не услышал будильник. И, сука, не почувствовал, как Алина ушла.

Иду на кухню, ставлю кофе вариться. Набираю номер брата. Гудки действуют на нервы. Он не отвечает. Этот ублюдок специально игнорирует меня!

— Придурок… — рычу, швыряя телефон на диван.

Возвращаюсь в спальню. Нужно одеться и валить на работу. Раз взялся за крупное дело, места для лажи нет. Нужно пахать.

Достаю из тумбы часы. И тут взгляд падает на простыню. На белоснежной ткани, прямо в том месте, где лежала девчонка, — пятно. Небольшое, уже подсохшее, но четкое. Ржаво-коричневое.

Я застываю как статуя. Мозг отказывается складывать картинку. Что это? Это…

До меня доходит не сразу. Сначала просто констатирую факт: пятно. Потом мозг начинает анализировать. Ее сопротивление, ее испуг, ее крик… ее слезы. Сука… Я подумал,

что слишком резко начал двигаться, поэтому остановился… Чтобы она привыкла!

— Что, сука, происходит? — вырываются хриплым шепотом слова.

Она была девственницей. Не просто неопытной. А невинной. И я… я, бл*дь, взял ее, как какую-то ночную бабу, подброшенную братом для развлечения! Назвал чужим именем! И выгнал на ночь глядя, хоть и не думал, что она уйдет... Одноразовые не уходят просто так.

Приступ тошноты подкатывает к горлу. Чувствую себя последней мразью. Хуже, чем мразью. Животным.

Снова хватаю телефон. В трубке — противные гудки. Один раз. Два. На третий он, наконец, берет.

— Брат! — У него хриплый голос. Только проснулся. — Ну что ты опять меня донимаешь? Устроил себе ночь с моим подарком и теперь отблагодарить решил?

— Камран, ты знал?

Мой голос кажется чужим, сдавленным от ярости и ужаса.

— Что? О чем ты? Что она дочь Абрамова? Ну, да…

— Ты знал, что она была девственницей?! — ору в трубку. И вдруг, как удар дубинкой, в голове взрываются слова Камрана. — Дочь Абрамова? Какого Абрамова? Ты совсем охренел?

С той стороны — лишь звенящая тишина.

— Что? — наконец выдавливает Камран. В его голосе слышится неподдельное изумление. — Серьезно? Охре-

неть… Нет, брат, не знал. Думал, просто симпатичная папина дочка, которая не хочет замуж за того, кого выбрал ей отец. Честно. И она вроде бы не такая уж малолетка. В таком возрасте быть девственницей… невозможно! Как так? Я ее даже в ЗАГС затащил!

Брат игнорирует мое возмущение.

Прикрываю глаза. Изнутри рвется такая ярость, что я сжимаю телефон до хруста.

— Ты, сука, связался с дочерью Абрамова! Мало того, еще и женился на ней! Какого лешего?!

— Какого черта ты затащил ее к себе в кровать, Имран? Прекрати меня винить! Переспал с ней, еще и меня виноватым выставляешь!

— Да откуда я мог знать, что она теперь твоя жена?! Откуда я вообще мог знать, во что ты ввязался? Думал, одноразовая девочка. За деньги здесь! А она… За тебя замуж побежала?!

— Не жена. Это она так считает. Отец ее за другого выдать хотел. Попросила помощи, со мной сбежала. Я же этого и хотел! Решил насолить Абрамову. Старик палки в колеса вставляет.

— Идиот. А дочь тут при чем? Ты хоть с головой дружишь?

— Пусть теперь трижды подумает, прежде чем к нам лезть и под ногами мешаться.

— А я все не понимал, что она несет! Не знал, какую аван-

тюру ты закрутил. Алина перепутала нас!

— Естественно. Мы же близнецы. Я свое дело сделал, Имран. Пользуйся, а потом выброси. Никто тебя не тронет. Слово даю.

— Все так просто? Да что ты несешь, идиот? Какого хера, мля?!

— Имран, успокойся! — обрывает он. — Ты сейчас всерьез злишься, что переспал с этой девчонкой? Я не знал! Да и какая разница, в конце-то концов? Подумаешь, целка. Тебе же лучше!

Не могу говорить. Во рту вкус пепла и гари. Просто вешаю трубку и падаю на кровать. Закрываю лицо руками.

Настоящий пздц!

И как теперь с такой башкой работать?

Как, мля? У брата ни стыда, ни совести. Слетел с катушек! А я, сука, не успокоюсь, пока не найду Алину.

«Номер ее напиши. Немедленно», — отправляю брату.

Через пару минут прилетает ответное сообщение.

«Успокойся, идиот. Это нам только на руку. Абрамов отстанет раз и навсегда». А потом цифры.

Это ты идиот, Камран. Ты — конченый ублюдок! Иди разбирайся с Абрамовым сам. А девчонку зачем впутал? Нахрена? Сбежала от одного кретина, попала в лапы сразу двух!

Звоню девчонке несколько раз, но она не берет трубку. Впрочем, это ожидаемо.

Я просто в охуе… Зачем Камран все это провернул?

Когда выхожу из дома, раздается звонок от брата.

— Чего тебе?

— Впервые вижу, чтобы какой-то мужик злился на то, что под него подложили целку.

— Ты ей деньги давал?

Несколько раз тычу пальцем в кнопку вызова лифта. Меня бомбит.

— Нет, на фига? Че она, из бедной семьи, что ли?

Сжав челюсти до скрипа зубов, со всей силы ударяю кулаком в стену. На ней появляются трещины в виде паутины.

— Я тебя прикончу. Клянусь, убью. Слышишь?

ГЛАВА 8

Алина

Неделя. События последних семи дней разделили мою жизнь на «до» и «после».

Я живу в атмосфере тишины и ожидания. Каждый звонок с незнакомого номера заставляет сердце бешено колотиться. Отец? Имран? Я не поднимаю трубку. Страх — плохой советчик. Но пока он мой единственный защитник.

С Алисой говорю украдкой. Ее голос в последнем разговоре был каким-то сдавленным. Натянутым.

«Папа может вычислить тебя по номеру, не звони какое-то время», — сказала сестра.

Я почувствовала ложь. Но что я могу сделать? Ворваться в отцовский дом? Это именно то, чего он ждет.

Я беспомощна. И это чувство разъедает изнутри хуже злости.

А тот единственный звонок Имрана… Короткие гудки — как плевок в душу. Что это было? Проверка, работает ли номер? Минута слабости? Неважно. Я не стала перезванивать. Его молчание красноречивее любых слов. Он получил свое и потерял интерес. Логично. Я сама поставила на себе крест, позволив всему этому случиться.

Смотрю на свое отражение в зеркале. Деловой костюм, купленный вчера, сидит безупречно.

Хватит прятаться! Если я сломаюсь, они все победят. Отец, который хотел меня продать. Имран, который… который что? Воспользовался ситуацией? Да. Но я сама открыла дверь. Пора научиться отвечать за свои действия. Не нужно винить всех, кроме себя. Я не маленькая девочка. Знала, на что иду. И да, пусть облажалась, но… жизнь ведь продолжается.

Из дома мы с Лерой выходим вместе.

— Ты уверена, что пора? Алин, я боюсь за тебя.

— Им нужна была девственница. Не думаю, что отец захочет выдать меня насильно, зная, что уже легла под другого.

— В голове не укладывается. Боже мой… Будто какой-то дурацкий фильм смотрю.

Усмехаюсь ее словам.

Такси подъезжает на удивление быстро. Попрощавшись с подругой, еду в офис.

Знакомый запах кофе, свежей бумаги и латентного стресса. Когда я вхожу, в воздухе на секунду повисает тишина. Удивленные и любопытные взгляды коллег вымораживают. Неделя внезапного отпуска без объяснений в нашем отделе — это ЧП.

Первым приходит в себя Андрей, арт-директор.

— Алина! Ты вернулась!

Его улыбка натянута, но я ценю усилие.

Мы не особо ладим. Потому что мне не нравятся его идеи и идиотская привычка совать нос в чужие дела.

— Да, немного… приболела, — говорю я ровным, профессиональным тоном, не оставляя шанса на допрос.

— Рады тебя видеть. Как раз горит проект «Солар». Клиент в ярости, хочет полностью переработать визуал презентации. Готова вникнуть?

— Конечно. Скидывайте все правки и референсы. Через час буду в курсе.

Иду к своей стойке. Стол такой же, каким я его оставила.

Включаю компьютер. Лена из соседнего отдела приносит мне кофе, зная, что не могу работать без него. Первый глоток горькой жидкости возвращает ощущение контроля.

Я погружаюсь в работу. Мозг, отравленный неделей эмоционального хаоса, с жадностью хватается за конкретные задачи. «Солар» — новый бренд экологичной энергетики. Клиент хочет динамику, чистоту и инновации. Шаблонные пожелания.

Взгляд падает на палитру. Я убираю кислотно-зеленый, оставляю глубокий изумрудный и холодный стальной. Делаю акцент солнечно-желтым. Не кричащим, а приглушенным, как рассвет. Шрифты… Меняю гротеск на строгий, но элегантный геометрический. Этот шрифт говорит о надежности. Иконографии придаю больше воздушности, увеличиваю межбуквенные интервалы. Чистота. Пространство для мысли.

Это как медитация. Каждый клик мыши, каждый выбранный оттенок — решение. Мое решение. Здесь никто не мо-

жет мной командовать. Здесь я — специалист. Я создаю.

К вечеру голова гудит от перенапряжения, но на столе уже лежат три проработанных варианта стиля. Я чувствую усталое, но глубокое удовлетворение.

— Выглядит солидно, — раздается голос рядом.

Поднимаю голову. За спиной стоит Марк, ведущий продуктовый дизайнер. Он с интересом наблюдает за моим монитором.

— Спасибо, — киваю, откидываясь на спинку кресла. — Клиент хотел уйти от кричащих тонов. Думаю, эта строгость сработает лучше.

— Уверен. — Марк садится на край моего стола. — Рад, что ты вернулась. Без тебя здесь было… скучно.

Что бы ни случилось в моей личной жизни, тут, в этой комнате, за этим монитором, я — Алина. Талантливый дизайнер. И никто не может этого отнять.

— Приятно слышать, Марк. Спасибо.

Я всегда чувствовала на себе его взгляды. Всегда. Но Марк ни разу не предпринимал шагов к сближению. А я делала вид, что ни о чем не подозреваю. Как и сейчас. Мы обсуждаем проект, а потом он уходит.

Приятное послевкусие от работы и слов Марка постепенно растворяются, уступая место нарастающей дрожи в коленях. Слабость подкатывает комом к горлу, а в глазах плавают темные пятна.

Я цепляюсь за край стола. Черт. Ничего не ела с утра, да и

вчерашний ужин ограничился парой ложек супа. Организм объявляет забастовку.

Логика, моя главная опора, холодно констатирует: падать в обморок здесь, в офисе, не стоит. Это привлечет куда больше ненужного внимания, чем недельное отсутствие. Нужно поесть. Просто физиологическая необходимость.

Открываю приложение доставки. Пальцы слегка дрожат. Выбираю первое, что попадается на глаза — роллы, горячий суп. Неважно что, лишь бы наполнить желудок. Делаю заказ, откидываюсь в кресле и закрываю глаза, пытаясь глубоко дышать. Пульс немного замедляется. Все под контролем. Просто нужно поесть.

С огромным трудом заставляю себя проглотить хоть что-то. Аппетита нет совсем.

Время летит, когда есть чем себя занять. И вот работа закончена. Коллеги потихоньку расходятся. Я собираю вещи, чувствуя, как усталость наваливается тяжелым грузом.

Улица встречает меня прохладным вечерним воздухом. Я достаю телефон, чтобы вызвать такси, но вздрагиваю от визга шин. Резкий звук, разрывающий вечерний покой. Я инстинктивно отскакиваю назад. Сердце замирает, а потом обрушивается вниз, в бездну.

Рядом с тротуаром, в считанных сантиметрах от меня, останавливается большой черный внедорожник. Я узнаю его сразу. Каждая клеточка тела пропитывается страхом.

Это автомобиль моего отца.

Стекло водительской двери опускается. Я застываю, не в силах пошевелиться. Ожидаю увидеть лицо, перекошенное яростью. Но вместо этого слышу низкий, незнакомый голос. Он бросает лишь одно слово, полное властного приказа:

— Садись.

Мой бывший жених, которого я оставила у алтаря.

Боже… этот взгляд. Он меня пугает.

— Я никуда с вами не поеду!

Заднее стекло опускается, и я вижу лицо своего отца. Он смотрит на меня… с ненавистью.

Откуда они узнали, что я сегодня пришла на работу? Кто сообщил? Или же… за мной следят?

— Еще одно слово… и я придушу тебя собственными руками. Садись в машину! — рявкает папа так, что я вздрагиваю.

Вместо того, чтобы послушаться его, бегу куда ноги несут. Не оглядываюсь назад. Страшно.

Я сейчас готова кричать во все горло. Однако знаю, что никто не услышит.

Голова ужасно болит, ноги ноют, но я несусь вперед.

Меня слишком быстро догоняют.

— Отпусти! — луплю лысого что есть силы. — Отпусти, я сказала!

Через время хватка на руке ослабевает. Я не сразу соображаю, почему отец и этот ублюдок смотрят мне за спину. Повернув голову, вижу перед собой… Имрана.

— Ты еще кто такой? — рычит папа.

— Я муж Алины. Отпустите ее, пока я вам кости не переломал. И плевать, что ты ее отец, Абрамов.

Папа, склонив голову набок, смотрит прищуренным взглядом.

— Ты… ты же Карахан? — проговаривает лысый.

— Он самый. Отпустил. Немедленно.

ГЛАВА 9

Секунда растягивается в вечность. Я замираю, не в силах пошевелиться. Наблюдаю, как два мира, два моих кошмара, столкнулись на ночной улице. Воздух трещит от ненависти.

— Какого черта?! — рычит отец.

Его лицо искажено злобой. Он делает шаг к Имрану, сжимая кулаки.

Тот даже бровью не ведет. Стоит расслабленно. Но в его позе чувствуется пружинящая готовность к удару. Взгляд холоден, как лед.

— Сказал же. Я муж Алины. Отпусти ее. Больше повторять не стану.

Отец фыркает. Но в его глазах мелькает тень неуверенности. Узнал фамилию.

Лысый жених, все еще держащий меня за руку, смотрит на Имрана с ужасом.

— Какого хрена? Когда вы успели? Карахан?!

Его пальцы слегка разжимаются.

— Да, это я. — Имран бросает на жениха короткий взгляд, полный такого презрения, что лысый невольно отступает на шаг. — Немедленно.

И тут отец находит в себе злость, чтобы пересилить страх. Он выпрямляется, тяжело дыша.

— Какой еще муж?! Какая свадьба?! Ты что, совсем охре-

нел, Карахан? Красть чужих невест?! Это моя дочь! Я решаю, за кого она выйдет!

— Может, действительно ты решил. Но благополучно проиграл, — парирует Имран. — Теперь она моя. Законно.

Его ровный, безразличный тон злит отца еще сильнее.

— Какой закон?! — Отец смеется, но смех у него нервный, истеричный. — Думаешь, твои деньги и связи все решают? Я с тобой всю судебную систему пройду! Я тебя уничтожу!

— Попробуй, — пожимает плечами Имран. — Только сперва подумай, останется ли у тебя бизнес к концу недели. У меня длинные руки, Абрамов.

Вообще никаких эмоций. Мистер спокойствие, честное слово. Он будто говорит о погоде.

Лысый решает вступить, почувствовав, что теряет лицо. Он дергает меня за руку.

— Ты что, на дурочку купился, Карахан? Она тебе такого бреда наплела, чтобы от меня сбежать! Девка ветреная!

Я чувствую, как лицо горит от стыда и злости. Но прежде чем что-то говорю, Имран отвечает за меня.

— Плевать, что она там плела. Теперь она моя проблема. Не твоя. Убирайся.

Лысый не сдается. От переизбытка эмоций выставляет себя дураком.

— У нас была договоренность! Ее отец мне должен!

— Значит, останется должен. — Имран делает шаг впе-

ред. Его голос теряет последние нотки безразличия и становится тихим, опасным. — В последний раз говорю. Отойди от моей жены.

— Жены?! — не успокаивается отец. — Хватит нести чушь! Где доказательства? Свидетельство покажи, альфонс!

Не сводя с отца взгляда, Имран медленно достает из внутреннего кармана пиджака паспорт. Небрежно раскрывает его на нужной странице и протягивает.

Я не вижу штампа, но лица отца и лысого одновременно становятся восковыми. Отец молча читает. Его челюсть отвисает. В его мире бумаги и печати значат все. И эта печать для отца — приговор.

— Довольны? — спокойно спрашивает Имран, забирая паспорт. — Или хотите позвонить в ЗАГС, чтобы уточнить?

Кажется, все закончилось. Напряжение спадает. Я невольно делаю шаг назад, к Имрану. Ноги подкашиваются от пережитого шока.

И это оказывается ошибкой.

Лысый, увидев, что его «собственность» ускользает навсегда, срывается. Злость, унижение и жадность берут верх над осторожностью.

— Ах ты, шлюха!

Он рывком вытягивает руку и с силой толкает меня в плечо.

Я не успеваю среагировать. Падаю от неожиданности и силы толчка. Приземляюсь на асфальт. Острая боль пронзает

оба колена, ладони горят от содранной кожи. Из глаз брызжут слезы. Я лежу, униженная, разбитая, не в силах подняться.

И тут происходит страшное.

Тишина. Такая густая, что ее можно потрогать.

Я поднимаю голову и вижу Имрана.

Он не кричит. Не рычит. Смотрит на лысого. В его глазах — не злость. Не ярость. Это что-то холодное и безжалостное. Карахан наклоняется ко мне и помогает подняться. Смахивает пыль с моего плеча. Этот жест кажется невероятно интимным и грозным одновременно.

Потом Имран поворачивается к лысому. Его голос не громче шепота, но режет слух, как лезвие.

— Ты пожалеешь, что родился.

Это не угроза. Это констатация факта.

Я сбежала из клетки отца прямиком в логово хищника. И понятия не имею, что страшнее.

Все происходит как в тумане. Имран крепко держит меня за локоть. Его пальцы как стальные тиски, не оставляющие ни малейшего шанса на сопротивление. Он ведет меня к своему внедорожнику. Я, покорная, иду следом, чувствуя, как колени горят и подрагивают.

Самое странное — тишина. Абсолютная. Позади не слышно ни криков отца, ни угроз лысого. Я украдкой оглядываюсь. Они оба стоят на месте как вкопанные. У отца взгляд, в котором ярость борется с животным страхом. Лы-

сый просто бледен, как полотно.

Фамилия «Карахан» повисла в воздухе невидимой стеной, которую они не смеют преодолеть. Имран не просто богач. Он — сила, перед которой отступают даже такие, как мой отец.

Людей, которых боится мой папа, совсем мало. Раньше я не слышала эту фамилию. Но знаю другие. Отец запрещал своим подчиненным произносить их. Никогда не видела его таким слабым. Сейчас мне это даже в радость. Наверное, я плохая дочь, раз так думаю.

Имран открывает пассажирскую дверь. Я на автомате сажусь в знакомый салон, пахнущий кожей и его парфюмом. Дверь захлопывается с глухим щелчком, изолируя меня от прошлой жизни. Имран обходит капот и занимает место за рулем. Его силуэт кажется огромным и чужим.

Машина плавно трогается с места. Я прижимаюсь лбом к холодному стеклу, наблюдая, как улицы уплывают назад. В голове каша. Все, во что я заставляла себя верить последние дни, рушится. Это был не спектакль. Не месть или минутная прихоть. Штамп в паспорте… настоящий. Я действительно замужем за этим незнакомцем, чье имя заставляет сильных мужчин замирать в ужасе.

«Как так вышло?» — Этот вопрос бесконечным эхом отдается внутри. Я думала, что держу все под контролем. Использую Имрана, чтобы сбежать. Но оказалось, что это он… завладел мной. Законно и окончательно.

Автомобиль замедляется и останавливается. Я поднимаю глаза. То самое здание. Элитная высотка, где начался мой кошмар. Где Имран назвал меня другим именем.

Острая и стремительная паника сжимает горло. Нет. Я не хочу идти туда.

— Я не поднимусь, — говорю Карахану. — У меня есть, где жить. Спасибо за помощь… но мне пора.

Поворачиваюсь к Имрану, встречая его профиль.

Мои пальцы находят ручку двери. Я дергаю ее. Щелчок. Но дверь не открывается. Имран заблокировал ее с водительской стороны.

Медленно поворачиваю голову. Он уже смотрит на меня. Взгляд во мраке салона кажется черным, нечитаемым, но невероятно сильным.

— Ты никуда не уйдешь. — Голос Имрана тихий, но твердый. Он произносит это как данность. Как закон физики. — Моя жена обязана жить со мной.

В его словах нет злости. Нет желания. Есть лишь железная, неоспоримая уверенность в своем праве. Я с ужасом понимаю, что та ночь, его холодность и мой побег ничего не изменили. Для него я все так же — его собственность. Купленная и оформленная по всем правилам.

ГЛАВА 10

Имран

Алина сидит, прижавшись лбом к стеклу. Она вся — сплошное напряжение. Как вызов для меня.

«Я не поднимусь».

Словно у нее есть выбор. Словно этот фиктивный брак, в который вписали МЕНЯ, подлежит обсуждению.

Мысль о том, как все это вышло, снова подступает комом ярости. Мой кровный брат, будь он неладен. Он не просто «подкинул» мне девушку для развлечения. Он провернул дело тоньше и грязнее. Улучив момент, стащил мой паспорт. Женился на Алине от МОЕГО имени. Официально.

Я узнал об этом вчера. Когда пошел продлевать визу. Мне вернули паспорт со словами: «Поздравляем с браком, Имран Каримович! Супруга будет вписываться?» Мир на секунду уплыл из-под ног. Проклятый Камран знал, что я не стану решать все это через суд, позоря свое имя. Он поставил меня перед фактом. Мало того, добавил проблем в виде психующего отца моей «жены».

Алина дергает ручку двери. Наивная. Детский жест протеста. Я блокирую замок. Алина поворачивается, и я вижу в полумраке отблеск влаги у нее на глазах.

Думает, что я монстр, который ее похитил и теперь требует своего… А на деле она — живое, дышащее доказатель-

ство моей собственной глупости и братского предательства. Дорогостоящая проблема, привязанная ко мне законом.

— Ты никуда не уйдешь. Моя жена обязана жить со мной.

Алина замирает. Судя по реакции, видит на моем лице не злость, а холодную, выверенную решимость. Для нее эти слова звучат как право собственности. Для меня — как приговор.

Я не могу отпустить ее. Во-первых, потому что она теперь, черт побери, моя законная жена! Ее безопасность — моя головная боль. А во-вторых… Если отпущу, ее отец, чтоб он сдох, отдаст Алину тому ублюдку. Как можно выдать собственную дочь за человека, который не думает ни о чем, кроме денег? И, сука, тот кретин был женат три раза! Алина — четвертая. Я не говорю уже о шлюхах, с которыми лысый проводит время в различных клубах. Абрамов не может не знать… И, несмотря на все это, просто взял и отдал дочь, понимая, что рано или поздно тот ее бросит?

Ублюдок с головой не дружит.

Глушу двигатель.

— Думаешь, я тебя силой потащу наверх? — Мой голос звучит ровно, лишь легкая хрипотца выдает напряжение. — Побег ничего не изменил, Алина. Только доказал, что ты не думаешь о последствиях. Отец нашел тебя сегодня. В следующий раз он может быть не таким... сговорчивым. В следующий раз, Алина, я могу быть далеко и не успеть. То, что произошло час назад, — счастливая случайность! Такое бы-

вает крайне редко.

Она отводит взгляд. Понимает.

— Я не хочу быть вещью, Имран. Ни для отца, ни для тебя, — бросает обиженно.

В этих словах есть доля правды. Мы оба — пешки в чужой игре.

— Перестань ей быть, — отрезаю я. — Ты не вещь. Ты — моя жена. По документам. У тебя теперь есть обязательства. И защита. Та, которую я могу дать. Но для этого ты должна быть рядом со мной. Не под ногами своего отца.

Я открываю дверь и выхожу. Оборачиваюсь.

— Решай. Или ты поднимаешься сама, как взрослая женщина, готовая разбираться со своими проблемами. Или я пронесу тебя через весь холл на плече, о чем завтра будет знать каждый житель этого здания. Твой выбор.

Захлопываю дверь и иду к подъезду. Каждый шаг отдается гулко.

Нужно успокоить Алину. Эта девушка сейчас — мой единственный козырь. И самая большая проблема.

Слышу, как приоткрывается дверь машины. Хорошо. Она делает шаг. Первый шаг к тому, чтобы мы наконец начали разбираться в этом бардаке вместе.

Я в ярости. Чувствую себя как в ловушке. Но интуиция подсказывает: сломать ее — значит проиграть. Сейчас мне нужен не враг, а... союзник.

Возможно, вскоре мне понадобится ее помощь…

Алина идет за мной по коридору, держась на почтительном расстоянии. Как пленный солдат на территории врага. Каждый ее шаг отдается в моей голове звонким эхом собственного бессилия. Эта квартира, моя крепость, внезапно становится полем боя. Здесь я и заложник, и тюремщик одновременно.

— Иди в душ. Смой с себя этот день, — говорю я, отводя взгляд к окну.

Голос звучит резче, чем хотелось бы. Во рту привкус злости. На нее. На Камрана. На себя.

Алина, не говоря ни слова, скрывается в ванной. Щелчок замка — как выстрел. Отлично. Теперь я еще и опасный маньяк, от которого нужно запираться.

Я брожу по гостиной, как тигр в клетке. Проходит пятнадцать минут. Двадцать. В голову лезут идиотские мысли. А вдруг она поскользнулась? Или… ей стало плохо от стресса? Черт. Эта девушка с самого начала вносит в мою жизнь хаос, против которого я бессилен.

Уже собираюсь постучать, когда дверь наконец открывается. Она выходит, закутанная в халат. Волосы мокрыми прядями падают на плечи. Лицо осунувшееся, бледное. Но в глазах все тот же несломленный огонек. Ненависти. Страха. Неважно. Лишь бы не равнодушия.

— Одевайся. Возьми что-нибудь из моего гардероба, — говорю, кивая на спальню.

Вариантов у нее нет, и мы оба это понимаем.

Алина смотрит на меня взглядом, который мог бы испепелить. Но молча проходит мимо, оставляя шлейф запаха моего же геля для душа. Это странно… смущает. Через несколько минут она возвращается. Моя простая белая рубашка на Алине выглядит как платье. Подол скрывает содранные колени. Она кажется такой хрупкой в этой мужской одежде, что сердце сжимается.

Наблюдаю, как Алина идет на кухню и наливает себе воды. Ее руки слегка дрожат. Пьет большими глотками. Торопится уйти?

— Садись, — приказываю ей.

Алина, уже направившаяся к двери, разворачивается. Смотрит на меня с немым вопросом, но усталость берет верх над упрямством. Она покорно опускается на стул. Я иду в ванную и возвращаюсь с аптечкой. Глаза Алины расширяются, когда она видит ее у меня в руках.

— Дай посмотрю.

Я опускаюсь на одно колено.

— Не надо. Сама справлюсь.

Алина инстинктивно отдергивает ногу.

— Не справишься, — отрезаю я, хватая ее за лодыжку. Кожа под моими пальцами холодная. — Сиди смирно.

Она замирает, затаив дыхание. Поднимаю подол рубашки. И замираю сам. Колени в ссадинах, с проступающими каплями крови. Выглядят болезненно и… беззащитно. Это — физическая отметина беспредела, что творился вокруг Али-

ны. Ублюдки больше не посмеют к ней прикоснуться.

Вскрываю антисептик. Вата. Прикасаюсь к ране. Алина резко вдыхает, впиваясь ногтями в мое плечо. Сжимает рубашку в кулаках. Ее пальцы — белые от напряжения.

— Потерпи, — бормочу я, сосредоточенно очищая ссадины.

Это больно. Я знаю. Но необходимо.

Делаю все молча. Стараюсь быть максимально быстрым и аккуратным. Дую на раны. Каждое ее содрогание отзывается во мне странным, непривычным чувством… вины? Ответственности? Я привык нести ответственность за проекты, за деньги, за бизнес. Но не за хрупкие колени испуганной девушки. Которую мой же брат подбросил мне в качестве подарка, от которого я не могу избавиться.

Накладываю пластырь. Пальцы, привыкшие сжимать руль и подписывать контракты, кажутся неуклюжими и грубыми для нежной кожи.

— Готово, — поднимаю взгляд.

Я встаю и уношу аптечку обратно. Возвращаюсь и застаю Алину на том же месте. Удивительно, но я думал, она убежит в одну из комнат и закроется там.

— Может, закажем что-нибудь? Я голоден.

— Зачем ты все это делаешь? — спрашивает Алина дрожащим голосом. — Зачем? Получил свое и отпустил. Окей. Я даже не виню тебя. Но зачем опять привел? От меня же одни проблемы…

— Может, потому, что мы женаты? — усмехаюсь я. — На днях поедем к моим родителям. Знакомить вас буду.

Глаза Алины распахиваются от удивления.

Отец хотел невестку? Будет. А Камран… Куда бы ни сбежал — рано или поздно вернется. Вот тогда и получит от меня по полной программе.

ГЛАВА 11

Алина

Имран достает телефон, чтобы заказать еду.

Он делает это так спокойно! Словно ничего не случилось. Будто не было ни моего побега, ни его ярости. И того, как он на коленях обрабатывал мои ссадины. Будто мы — обычная пара. Но ведь это не так. Я не понимаю, что думать и как реагировать. Глядя на этого мужчину, не скажешь, что он может быть таким заботливым. Обычно Имран больше смахивает на железобетонную стену, что давит и давит. Именно такое впечатление осталось у меня от нашей последней встречи.

В голове — вихрь. Ураган из вопросов, на которые нет ответов.

Зачем? Этот вопрос навязчиво бьется в висках. Я для Имрана — проблема. Живое доказательство того, что мой отец может вот так, запросто, вломиться в нашу жизнь и все перевернуть. Дорогостоящая, нервная, непредсказуемая проблема. Так зачем оставлять ее у себя? Выбросил бы и забыл! Нет, он не просто оставил. Он вернулся. Нашел. Забрал. И теперь говорит о каких-то родителях.

Почему сегодня? Где был Имран все эти дни? Неделю! Целая неделя тишины, за которую я успела убедить себя, что была для него разовой глупостью. Почти успела смириться. И вот он появляется ровно в тот момент, когда я снова ока-

зываюсь на дне. Будто ждал, когда окончательно сломаюсь, чтобы снова сыграть роль спасителя. Это так унизительно...

И эта… другая. Та самая Аля, чье имя Имран выдохнул тогда в темноте. Если у него есть она, зачем ему я? Чтобы мучить нас обеих? Чтобы я была официальной женой для показухи, а она — для души? Я не хочу быть декорацией в чужой жизни! Я уже была вещью для отца. Не собираюсь быть ею для мужа.

Даже если быть ему фиктивной женой — спасение, я все равно не хочу!

Мысли несутся, сталкиваются, рождая новую волну горькой иронии. Если выбирать из двух зол… да, Имран, безусловно, меньшее. Лучше воевать с собственным отцом из-за мужчины, который хотя бы не вызывает физического отвращения. Чем быть проданной той лысой гиене, что видит в женщине лишь целку в придачу к кошельку. По крайней мере, с Имраном есть за что бороться. Есть какая-то искра. Пусть даже это искра ненависти и взаимного непонимания.

Но родители… Боже. Неужели мне мало одной войны? Теперь будет вторая? Ведь если мой отец — враг Имрана, то наверняка и вся его семья в курсе. Они будут смотреть на меня как на дочь того, кто им насолил. Как на шпионку, недочеловека. Меня ждет настоящая мясорубка.

Имран заканчивает телефонный разговор и поворачивается ко мне. Его взгляд все так же нечитаем. В нем нет ответов. Только вопросы, которые он, кажется, задает сам себе.

Самый главный, самый жгучий из всех моих вопросов, вырывается наружу прежде, чем успеваю себя остановить.

— Зачем все это? Ведь я для тебя — лишь проблема. Зачем тебе лишние хлопоты в виде меня… и твоих родителей?

Мой голос звучит тихо и хрипло. Но в тишине кухни он раздается как выстрел.

Имран садится напротив. Его взгляд становится пристальным, изучающим. Легкая улыбка появляется на губах, отчего у меня на душе становится еще тревожнее. Вижу, как глаза Имрана скользят по моему лицу, задерживаясь на губах. Щеки начинают предательски гореть. Я резко отворачиваюсь, пряча смущение.

Этого не может быть. Я не могу ему нравиться! У Имрана есть другая — та самая Аля. А все это… странная забота, «ты моя жена» — лишь способ насолить отцу. Очередной ход в их большой игре.

Не знаю, почему, но в голову на данный момент лезет именно эта дурацкая мысль. Хотя сердце твердит, что все не так.

Так не смотрят на девушку, которая безразлична. Которую видят в роли пешки.

— Ты слишком много думаешь. — Голос Имрана возвращает меня в реальность. Он произносит это мягко, почти подружески, но в интонации слышится легкое раздражение. — И не о том, о чем нужно.

Я готова возразить. Спросить, о чем же, по его мнению,

нужно думать, когда моя жизнь превратилась в сумасшедший дом.

Но Имран опережает меня.

— Завтра поедем в ЗАГС, — заявляет он тоном, не терпящим возражений. — Надо поставить штамп и в твой паспорт.

Эти слова обрушиваются на меня с новой силой. Штамп. В моем паспорте. Официальное, материальное подтверждение нашей безумной связи. До сих пор это было лишь записью в реестре. Его словами, в которые я не могла до конца поверить. А теперь у меня будет собственное доказательство. Документ, кричащий о том, что я принадлежу Имрану. Законно. Окончательно.

Самое ужасное, что в глубине души, под всеми этими страхами и сомнениями, я чувствую крошечное, предательское облегчение. Потому что штамп — это еще и защита. От отца. От того лысого ублюдка. От прошлого.

Но признаться в этом вслух? Ни за что. Я просто смотрю на Имрана, пытаясь скрыть бурю внутри за маской безразличия. Тихо киваю. Кажется, у меня снова нет выбора. За последние десять дней жизнь превратилась в остросюжетный фильм, который закончится непонятно когда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.